

Литература

1. Компанцева Л. Ф. Гендерные основы Интернет-коммуникации в постсоветском пространстве: Монография. – Луганск: Альма-матер, 2006. – 392 с.
2. Силантьев И. В. Текст в системе дискурсных взаимодействий // Критика и семиотика. Вып. 7, 2004. – С. 98 – 123. Электронный ресурс: <http://www.nsu.ru/education/virtual/cs7/silantev.htm>
3. Тираспольский Л., Новиков В. Жанр виртуальной конференции. – Электронный ресурс: <http://www.netslova.ru/tiraspoljsky/virtconf.html>.

Евраева С. В.

КОНЦЕПТ *БОГ* В ПОЭЗИИ А. БЛОКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАИВНОЙ КАРТИНЫ МИРА

Концептуальный анализ художественного текста является актуальным направлением современной прикладной лингвистики. И хотя до сих пор отсутствует стройная теоретическая база данной области языкознания, исследователи всё чаще обращаются к описанию и классификации русских культурных концептов, а также к изучению их функционирования в литературных произведениях. С чем же это связано?

В первую очередь, конечно, с антропоцентричностью современной науки, что выражается в интересе лингвистов не только к языку как «системе систем», но и к языку в связи с мышлением человека, его мировосприятием. Другими словами, «языкознание перестало быть наукой «самой в себе» [4, с. 290].

Во-вторых, концептуальный (или когнитивный) подход даёт возможность многоаспектного анализа языковой единицы, с использованием как лингвистических, так и литературоведческих, культурологических, психологических и др. методов. Такие исследования, безусловно, нельзя считать собственно лингвистическими, но возникновение интегральных наук (таких, как лингвокультурология, психолингвистика, когнитивная лингвистика и т.д.) свидетельствует об их актуальности.

Анализ функционирования концептов в литературных текстах представляет собой попытку заглянуть за пределы языка, установить связь между языковой единицей и смыслом, который она приобретает в конкретном контексте, выявить индивидуально-авторские особенности её употребления, а также через посредство языка художественного произведения раскрыть внутренний мир его автора.

Особую ценность в этом смысле представляют религиозные концепты, исследованию которых посвящены работы Н. Н. Арват [2], Н. Г. Блохиной [3], Л. Ю. Буяновой [4], Н. И. Ильинской [8], У. С. Машошиной [10] и др.

В последние десятилетия значительно возрос научный интерес к религиозным мотивам в русской литературе, особенно в поэзии Серебряного века, и это не случайно. На стыке веков человечество охватывает чувство неустойчивости, изменчивости мира, и он ищет некую константу, непреложную общечеловеческую истину. Таковой является религия. Возможно, поэтому поэзия начала XX века пронизана религиозными мотивами и так актуальна в наше время:

*Много нас таких бездомных,
Сила наша в том,
Что для нас, слепых и тёмных,
Светел **Божий дом...** (А. Ахматова «Будешь жить, не зная лиха...»)*

*Солнце **духа**, ах, беззакатно,
На земле его побороть,
Никогда не вернусь обратно,
Усмирю усталую плоть,
Если **Лето** благоприятно,
Если любит меня **Господь**. (Н. Гумилёв «Снова море»)*

Целью нашего исследования является описание наивных представлений о Боге (на материале русских паремий) и их отражения в поэзии А. Блока.

Индивидуальная картина мира не может существовать изолировано – она всегда складывается на основе коллективной и находится в тесном взаимодействии с ней. Когда мы говорим о мировосприятии творческой личности и его отражении в языке, необходимо учитывать экстралингвистические факторы, повлиявшие на формирование картины мира человека. И хотя религиозные взгляды Блока, безусловно, основаны на народных традициях, свои коррективы внесло образование поэта (в частности, знание античной мифологии), философские убеждения (учение Вл. Соловьёва), а также образность и символичность мышления, характерные для Блока. Поэтому для выявления индивидуально-авторских особенностей репрезентации концепта важно сопоставить смыслы, вкладываемые в этот концепт поэтом, с имеющимися в наивной картине мира.

Концепт **Бог** является одним из центральных религиозных концептов русской картины мира. Бог – это адресат не только веры, но и обращения русского человека. Функционирование в речи носителей русского языка таких фразеологизмов, как «**Слава Богу!**», «**Ради Бога**», «**Не дай Бог!**», свидетельствует о том, что вера глубоко укоренилась в сознании русского человека, и он обращается к Богу, даже когда не задумывается об этом, можно сказать, находится в постоянном диалоге с ним. В то же время, наивному сознанию русского человека присущ некий фатализм. Он верит в предопределённость своей судьбы и возлагает ответственность за свою жизнь, счастье, достаток именно на Бога. Подтверждение этому находим в русских пословицах: «**Даст бог здоровья, даст и счастья**» [5, с. 87], «**Под богом ходишь – божью волю носишь**» [5, с. 24], «**Бог прогневишь, и смерти не даст**» [5, с. 224].

Несмотря на значимость Бога в духовной жизни русского человека, а следовательно, и концепта **Бог** в русской наивной картине мира, его описания нет ни в словаре Ю. С. Степанова «Константы: Словарь русской культуры» [7], ни в пособии В. А. Масловой «Когнитивная лингвистика» [5], ни в «Антологии концептов» [1].

В словаре С. И. Ожегова находим следующие значения лексемы **бог**:

1. В религии: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ.

2. (Б прописное). В христианстве: триединое божество, творец и всеобщее мировое начало – Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой [7, с. 52].

В пословицах русского народа, отражающих русскую наивную картину мира, на первый план выдвигается не сущность Бога, а его значение и роль в жизни человека. Так, для русского человека Бог – это, в первую очередь, существо дарящее, то есть посылающее ему в награду за дела и молитву земные блага: урожай, достаток, здоровье: «**Бог не мужик (т.е. не обидит): бабу отымет, а девку даст (о вдове)**» [5, с. 24], «**Даст бог день, даст бог и пищу**» [5, с. 23].

Для русского человека Бог традиционно является носителем абсолютной истины, непостижимой для смертного человека: «**Бог лучше знает, что дать, чего не дать**» [5, с. 25], «**Есть до днесь, а впредь – бог весть**» [5, с. 72]. Не случайно в исследовании У. С. Машошиной среди вербализаторов макроконцепта **Бог** названы лексемы **истина** и **правда** [6].

Из этого всеведения вытекает ещё одна «функция» Бога – вершить справедливый суд над людьми: «**Кто добро творит, того бог благословит**» [5, с. 26], «**Бог за худое плательщик**» [5, с. 24]. Кроме того, во власти Бога защитить человека («**Бог – заступник сирым и вдовым**» [5, с. 301], «**Грозную тучу бог пронесёт**» [5, с. 23]), а также подвергнуть его испытаниям («**Бог по силе крест налагает**» [5, с. 24]) и даже лишить его жизни («**Бог души не вынет, сама душа не выйдет**» [5, с. 23]).

Бог, таким образом, играет важнейшую роль в жизни русского человека. Он заполняет лакуны его знания о мире: то, что человек не может объяснить логически, он относит к деяниям Бога. Поэтому среди русских пословиц мы можем найти немало паремий, отражающих трепетно-уважительное отношение к нему: «**Первый поклон богу, второй хозяйну с хозяйкой, третий всем добрым людям**» [6, с. 212], «**Бойся бога: смерть у порога**» [5, с. 222].

Стоит также отметить, что создателями русских пословиц, собранных В. И. Далем, были люди, не знакомые с абстрактными философскими учениями о Боге. В народном сознании Бог обладает антропо-морфными признаками и моральными качествами: «**Образ божий в бороде, а подобие в усах (раск.)**» [5, с. 31], «**Метлы (кометы) небо подметают перед божьими стопами**» [5, с. 228], «**Не плачься, бог лучше полюбит**» [5, с. 86].

Антропоморфность образа Бога характерна и для идиостиля А. Блока, однако в произведениях поэта она скорее является художественным приёмом:

*... И утра первый луч звенящий
Сквозь жёлтых штор
Своей световой узор. («Чёрная кровь»)*

Способность Бога осуществлять физические действия «заимствована» Блоком из наивных представлений о сущности Бога, однако в русских пословицах это действия сугубо практического характера. Поэтому приведённый пример иллюстрирует индивидуально-авторское понимание данного концепта.

В стихотворениях Блока лексема **Бог** нередко используется в первом из словарных значений. В таких контекстах она сочетается с определениями **этот, старый, юный, лукавый**, что не характерно для православной традиции. Античные верования нашли отражение в употреблении Блоком множественной формы лексемы **Бог**, а также производных от неё слов **богиня** и **божество**:

*Увенчан трепетом любимым,
Отдай источник сил твоих
Иным богам неумолимым
Для новых сеяний живых. («Ты много жил. Негодование...»)*

*...Иль ты, сливаясь со звездой,
Сама богиня – и с богами
Гордишься равной красотой. («Какому богу служишь ты?...»)*

Эти лексемы являются средством создания поэтического образа, в данном случае, женщины необыкновенной (неземной) красоты и находятся на периферии концепта **Бог**.

Ядром данного концепта является лексема **Бог** во втором из своих значений. В стихотворениях Блока, как и в русских паремиях, Бог выступает адресатом обращения лирического героя:

*Господи боже! Уж утро клубится,
Где, да и как этот день проживу?.. («Перстень-страданье»)*

Но, в отличие от носителя наивной картины мира, блоковский герой в молитвах просит не материальных, а духовных благ:

*Пошли, господь, успокоенье
И очищенье от забот. («Полна усталого томленья...»)*

*Кто же вздохнул у могилы?
Чья облегчается грудь?
Скорбную душу помилуй,
Господи! Дай отдохнуть. («Кто-то вздохнул у могилы...»)*

Он обращается к Богу не только с просьбами, но и нередко ведёт с ним беседу:

*Скоро жизнь мою бурно измерю
Пред неведомой встречей с **Тобой**. («Очарованный вечер мой долог...»)*

Местоимение **Ты** довольно часто используется поэтом, и порой неясно, кто является адресатом такого обращения: Бог или женщина. В этом слышны отголоски соловьёвской Вечной Женственности, где в едином образе переплетаются вера в Бога и поклонение Женщине.

Помимо традиционных вербализаторов концепта – лексем *бог* и *господь*, – Блок использует в своих текстах и другие наименования, в том числе, перифрастические: *Единый, Светлый, Царь, Он, Вечный Отец, Небесный Отец*.

В поэтических текстах Блока концепт приобретает ещё и символическое значение. Эти символы заслуживают отдельного исследования. Назовём наиболее яркие из них. Это, в первую очередь, цветные символы: белый, голубой, лазурный:

*Чьё там брезжит лазурное око?
Как поляна из звёзд – небеса.
В тишине голубой и глубокой
С дивной ратью своей многокрылой
Бог идёт сквозь ночные леса. («Тишина в лесу»)*

Символом Бога для Блока также является снег. Так, в финале поэмы «Двенадцать» из стихии – снежной выюги – рождается образ Христа:

*...Так идут державным шагом -
Позади - голодный пес,
Впереди - с кровавым флагом,
И за выюгой невидим,
И от пули неведим
Нежной поступью надвьюжной,
Снежной поступью жемчужной,
В белом венчике из роз -
Впереди – Иисус Христос. («Двенадцать»)*

Таким образом, в поэзии Блока сохраняются традиционные, наивные представления о Боге. И в то же время, поэт вносит в этот образ новые смыслы, накладывая на православные традиции свои философские взгляды. Из этого синтеза рождается индивидуально-блоковская религиозная картина мира.

Настоящая статья является материалом для дальнейшего изучения религиозных концептов в поэзии Серебряного века в сопоставлении с их реализацией в наивной картине мира.

Источники и литература

1. Антология концептов. – М: Гнозис, 2007.
2. Арват Н. Н. Концептосфера лексемы *душа* в русском языке // Материалы конгресса МАПРЯЛ. Концептосфера русского языка: универсальное, национальное, индивидуальное. – СПб., 2003. – С. 94-97.
3. Блохина Н. Г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений (на примере анализа концепта, репрезентируемого словом «Бог») // Материалы конгресса МАПРЯЛ. Концептосфера русского языка: универсальное, национальное, индивидуальное. – СПб., 2003. – С. 103-107.
4. Буянова Л. Ю. Концепт «душа» как основа русской ментальности: особенности речевой реализации www.2004.relga.ru.
5. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1984. – 383 с.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник в 2-х т. Т. 2. – М.: Худож. лит., 1984. – 399 с.
7. Гадомский А. К. Религиозный язык – теолингвистика – языкознание // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского – Серия «Филология». Том 20 (59), № 1. – 2007. – С. 287-292.
8. Ильинская Н. И. Концепт Русский Христос в научной рецепции и в религиозно-поэтическом сознании серебряного века. // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. 2006, № 5, с. 60-71.
9. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: Учебное пособие / В. А. Маслова. – Мн.: ТетраСистемс, 2004. – 256 с.
10. Машошина У. С. Роль религиозных концептов в произведениях автобиографического жанра (на материале романов И. С. Шмелева «Лето Господне» и В. А. Бахревского «Святейший патриарх Тихон (2.10.2006)» / <http://conf.stavsu.ru>.
11. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е издание, дополненное. – М., 1999. – 944 с.
12. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 2004. – 992 с.

Еремкина Г. Г.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ АББРЕВИАТУР

Порожденная историческим прогрессом человечества аббревиация наиболее активно проявляет себя в терминологии, представляя в настоящее время одну из характерных особенностей языка современной науки. Исследование медицинских текстов показывает, что процент сокращенных терминов в них значительно увеличился по сравнению с прошлыми десятилетиями, хотя вопрос о месте аббревиатурного терминотворчества в словообразовательной системе языков остается достаточно спорным (см. труды Алексева Д. И., Редозубова К. Н., Лейчика В. М., Могилевского Р. И., Сегаль М. М. и др.). Не вдаваясь в подробности полемики по данному вопросу, отметим, что сам факт долгого существования этих лексических единиц свидетельствует о функциональной пригодности сокращений в акте коммуникации.

На протяжении многих десятилетий аббревиация является предметом тщательных лингвистических исследований, однако проблемы, связанные с лексикографической фиксацией аббревиатур, остаются до сих пор актуальными и требуют детализации.

Целью данной статьи является анализ состояния лексикографического описания терминологических аббревиатур, нормативная оценка аббревиатур, в частности, терминологических, показать устоявшуюся литературную норму и наметить перспективные потенциальные возможности их лексикографической фиксации.

За последние десятилетия мнения лингвистов о статусе аббревиации изменились – ее стали рассматривать не как технический прием сокращения терминологических единиц, а как активный способ словообразования. Однако регламентация аббревиатурных терминов еще в ряде случаев остается на уровне прошлых стандартов. Так, эти термины крайне осторожно вводят в толковые и энциклопедические словари, в связи с чем отображение аббревиатурного корпуса в словарях не соответствует масштабам их реального распространения в языке и составляет ничтожно малый процент от общего числа существующих сокращений. Такое состояние объяснялось